

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-77-89

КАТЕГОРИЯ МИРАТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аверина А. В.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,
Российская Федерация*

e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

Поступила в редакцию 27.08.2025

После доработки 09.09.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Аннотация

Цель. Выявление способов выражения миративных значений в немецком языке с дальнейшим определением статуса категории миративности.

Процедура и методы. Были использованы общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, а также частнолингвистические методы контекстуального анализа и описательный метод. Примеры были отобраны из немецких корпусов DECOW 16A и DWDS.

Результаты. Категория миративности может рассматриваться как один из вариантов проявления эпистемичности и коррелирует с контрастом и эмфазой: говорящий должен признать новое положение дел как соответствующее истине, а имевшиеся ранее собственные представления о нём предстают как ложные. Миративная семантика как периферийное значение проявляется в определённом контекстуальном окружении.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят определённый вклад в описание категории миративности в немецком языке. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских занятиях по теоретической грамматике немецкого языка со студентами языковых вузов.

Ключевые слова: миративность, эпистемическая модальность, нарратив, немецкий язык, эвиденциальность

Для цитирования:

Аверина А. В. Категория миративности и средства её выражения в немецком языке // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 77–89. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-77-89>

Original research article

THE CATEGORY OF MIRATIVITY AND THE MEANS OF ITS EXPRESSION IN GERMAN

A. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

Received by the editorial office 27.08.2025

Revised by the author 09.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Abstract

Aim. Identification of ways of expressing mirativity meanings in German with further definition of the status of this category.

Methodology. General scientific methods of observation, analysis, and synthesis were used, as well as specific linguistic methods of contextual analysis and a descriptive method. The examples were selected from the German DECOW 16A and DWDS corps.

Results. The category of mirativity can be considered as one of the manifestations of epistemicity and correlates with contrast and emphasis: the speaker must recognize the new state of affairs as true, while their previously held ideas about it are presented as false. Mirative semantics as a peripheral meaning manifests itself in a specific contextual environment.

Research implications. The obtained results make a contribution to the description of the category of mirativity in the German language. The practical significance lies in the fact that the results obtained can be used in seminars on theoretical grammar of the German language with students of language universities or faculties.

Keywords: mirativity, epistemic modality, narrative text, German language, evidentiality

For citation:

Averina, A. V. (2026). Word-formation potential of the borrowed suffix -ing in German and Russian. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp. 77–89. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-77-89>

Введение

Один из активно обсуждаемых вопросов в современной лингвистике – статус категории миративности, а также способы её выражения в языках различного строя. Под миративностью понимается удивление, внезапное открытие и неподготовленность говорящего к новой информации [1], как это можно проследить на следующих примерах:

(1) *Лицо девушки вспыхнуло от гнева: Ну ты и гад! Как я раньше этого не заметила?!¹*

(2) *Mann, du bist mir unheimlich! Wie kannst du in kürzester Zeit das rausfinden, was meine Familie in Jahren nicht schaffte.²*

В приведённых фрагментах говорящий выражает своё недоумение и ошеломление – он ожидал совсем иной исход ситуации, чем тот, который сложился в настоящий момент времени.

Данная проблематика поднималась в работах В. Чейфа [2], А.Ю. Айхенвальд [1], И. Мельчука [3], В. Абрахама [4], Н. А. Козинцевой [5], В. А. Плуныяна [6], В. С. Храковского [7] и других исследователей. В отечественном языкознании существуют наблюдения над способами

¹ Даниил Алексеев. Второй крах марсиан [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/en> (дата обращения: 26.06.2025).

² DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 27.06.2025).

выражения миративности в языках народов России (см. в этой связи исследования Е. К. Скрибник и О. А. Зезинг [8], Е. К. Скрибник и А. А. Озоновой [9], А. Д. Каксина [10], Н. Б. Даржаевой [11] и др.). В ходе обсуждения миративности поднимался ряд вопросов, связанных с целесообразностью её отнесения к системе модальных грамматических категорий, а также планом её содержания и выражения. Применительно к немецкому языку отметим, что дискуссионным остаётся вопрос о статусе категории миративности (относится ли данная категория к эпистемичности или эвиденциальности?), нуждается в дополнительном исследовании вопрос о том, может ли миративность находить своё проявление не только в диалогической, но и в монологической речи; в настоящее время нет системного описания языковых средств выражения миративных значений.

Таким образом, в настоящий момент существует потребность в выявлении показателей миративности в языках различного строя; в определении статуса категории миративности в системе грамматических категорий; в раскрытии общих для различных языков закономерностей, определяющих способы выражения миративных значений. Этим и объясняется актуальность настоящего исследования.

Задачи исследования заключаются в следующем: 1) проанализировать различные подходы к интерпретации категории миративности; 2) описать различные средства её выражения и 3) определить статус категории миративности и её взаимосвязь с другими грамматическими категориями.

В работе применялись общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, а также частнолингвистические методы контекстуального анализа и описательный методы. Общенаучные методы анализа и синтеза были использованы для определения статуса категории миративности и выявления взаимосвязей с другими грамматическими категориями. Посредством использования метода

наблюдения были отобраны примеры, содержащие разного рода структуры с миративным значением. Частнолингвистические методы позволили дать интерпретацию отобранных примеров: посредством метода контекстуального анализа было показано, в каких типах высказываний и при каких условиях миративное значение находит своё проявление, а посредством использования описательного метода была предложена интерпретация отобранных примеров и показана корреляция с контрастом и эмфазой. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецких корпусов DECOW 16A³ и DWDS⁴. Всего было проанализировано свыше 200 примеров.

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе впервые представлен обзор способов выражения миративных значений в немецком языке, а сама миративность рассматривается как частный случай контраста, сопряжённого с эмфазой.

Полученные результаты вносят определённый вклад в описание категории миративности в немецком языке, что и определяет теоретическую значимость работы. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских занятиях по теоретической грамматике немецкого языка со студентами языковых вузов.

1. Статус категории миративности и способы её выражения в немецком языке

1.1. Различные подходы к интерпретации категории миративности

Можно выделить несколько подходов к интерпретации категории миративно-

³ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 27.06.2025). Далее – DECOW 16A.

⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 27.06.2025). Далее – DWDS.

сти в отечественных и зарубежных исследованиях.

Первый из них представлен в работе Н.А. Козинцевой [5]. Она трактует миративность как одну из разновидностей эвиденциальности: говорящий выражает удивление по поводу неожиданного обнаружения факта, имеющего место в момент речи [5, с. 20]. В отечественном языкознании аналогичная позиция представлена в работе А. Д. Каксина [12], И. И. Хафизовой и Э. К. Хабибуллиной [13].

Второй подход представлен в работе И. Мельчука: миративность рассматривается как независимая от эвиденциальности категория [3, с. 197–198]. Аналогичной позиции придерживаются А. Айхенвальд [1]. Она показывает, что в большинстве языков за редким исключением эвиденциальные показатели не передают миративных значений [1, с. 437].

Третий подход имеет место в работе В. А. Плуногяна. По его мнению, миративность можно считать модальным значением на том основании, что оно «выражает одну из разновидностей эпистемической оценки, а именно, противоречие ожиданиям говорящего», или «неготовность говорящего воспринять наблюдаемую им ситуацию» [6, с. 364].

Есть и такие исследования, в которых показано, что соотношение миративности и эвиденциальности должно рассматриваться для каждого языка отдельно. Так, анализируя вопрос о том, стоит ли рассматривать эвиденциальность и миративность как отдельные грамматические категории, Е. К. Скрибник и А. А. Озона пишут: «мы не считаем приведенные выше две точки зрения принципиально несовместимыми: это скорее вопрос того, насколько подробно “проработаны” и формально разведены различные нюансы этих значений в каждом конкретном языке» [9, с. 520–521]. Так, в калмыцком языке, как показано в работе Е. К. Скрибник и О. А. Зезинг [8], миративность имеет специальное выражение в имен-

ном сказуемом и «регулярно выступает в качестве семантического расширения в сфере косвенной засвидетельствованности, но не имеет специализированных глагольных форм» [8, с. 69]. Схожие наблюдения находим и у В. С. Храковского: миративность может быть представлена в языке и при отсутствии категории эвиденциальности: «(ад)миратив – одна из двух граммем категории, которая характеризует информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения), как соответствующую его картине мира либо как несоответствующую его картине мира (адмиратив)» [7, с. 619]. Один и тот же показатель может служить для выражения адмиративных и эвиденциальных значений [Там же]. Не в последнюю очередь дискуссия о принадлежности миративности к зоне модальных значений связана и с самой сложностью вопроса о разграничении эпистемических и эвиденциальных значений (литература по этому вопросу необозрима, издания последних лет см. [14; 15; 16]).

Автор публикации придерживается позиции В. А. Плуногяна [6], что миративность выражает одну из разновидностей эпистемической оценки, проявляющейся в неготовности говорящего воспринять наблюдаемую им ситуацию. В данном случае можно говорить в том числе и о том, что возникает эффект обманутого ожидания: удивление говорящего, его восприятие положения дел обусловлено иными представлениями о человеке / ситуации / обстоятельствах и т. д. Как правило, позиция говорящего в предложениях, содержащих значение миративности, контрастирует с наблюдаемой ситуацией или сложившемся положением дел. На уровне интонационной структуры можно отметить эмфатическое выделение, например:

(3) «*Ich bin, ich bin also, äh - nicht der Einzige?*» *frage ich in die Runde*. «*Der Einzige?*»

Du BIST⁵ mir vielleicht ein Scherzkeks! Du ahnst ja gar nicht, was hier los ist».⁶

(4) **Aber wie findet ihr seine Lautstärke, die Alarmtöne und und und? Ist er WIRKLICH sorobust?**⁷

В (3) максимальное ударение получает финитная форма глагола, в (4) – модальное слово *wirklich*. Можно в этой связи предположить, что миративность как вариант проявления эпистемической недостоверности можно рассматривать ещё и как частный случай контраста, сопряжённого с эмфазой. Дадим определения терминам «контраст» и «эмфаза».

Контраст в логике трактуется как «отчётливо, ясно, остро обозначившаяся, выявившаяся противоположность между кем-либо или чем-либо»⁸. Он бывает нескольких видов:

1. Контрадикторный. Контрадикторное отношение – «отношение между двумя противоречивыми суждениями (а также понятиями), которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных суждений (а также понятий) одно и только одно истинно, а другое непременно ложно. Если известно, что данное суждение истинно, то контрадикторное ему суждение ложно; и, наоборот, если известно, что данное суждение ложно, то контрадикторное ему суждение истинно»⁹.

2. Комплементарный контраст, или добавочный контраст. Комплементарность в логике – дополнительность (датский физик Нильс Бор: “*Contraria non contrarictoria sed complementa sunt*” («Противоположности не противоречия, а дополнения»)).

Контраст получает подробное рассмотрение в работах Т. Е. Янко [17–19]. Наряду с контрастом она рассматривает

и эмфазу, под которой понимается «выражение сильных чувств говорящего по поводу ненормативных явлений жизни» [20, с. 64]. Возвращаясь к высказываниям типа (1)–(4), можно допустить, что в данном случае можно говорить о кодировании контраста и эмфазы: новая информация вопреки ожиданиям должна быть признана истинной, а существовавшие ранее представления – ложными, что, в свою очередь способствует возникновению чувства неприятия у говорящего новой ситуации и является причиной проявления «эпистемической недостоверности» (см. [6]) при констатации фактов. Таким образом, это позволяет заключить, что содержанием категории миративности является неприятие говорящим новой ситуации, которая контрастирует с его представлениями.

Рассмотрим более подробно вопрос о том, какие языковые средства в немецком языке могут быть использованы при передаче миративности, а также обратим внимание на тот факт, что миративность, как показывает анализ фактического материала, может быть выражена не только в диалогической, но и в монологической речи.

1.2. Способы выражения миративных значений в немецком языке

Миративное значение находит своё проявление при использовании следующих модальных показателей: модальных частиц *vielleicht, aber, mir*; модальных слов *wirklich* и *tatsächlich*; сослагательного наклонения в придаточных предложениях, вводимых союзами *anstatt ... dass, ohne ... dass*; в некоторых случаях – посредством использования фразеологических оборотов, а также при употреблении *Perfekt*.

Модальные частицы *vielleicht, aber* и *mir* могут быть использованы в качестве показателей миративности, если они использованы в восклицательных, т. е. в восклицательных высказываниях, в которых финитная форма глагола получает наибольшее ударение, т. е. кодирован

⁵ Здесь и далее: прописными буквами выделены слова с максимальным ударением.

⁶ DECOW 16A.

⁷ DECOW 16A.

⁸ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1975. С. 263.

⁹ Там же. С. 262.

Verumfokus [21], или верификативная рема [17], например:

(5) *Du BIST mir vielleicht ein Held, hast Angst, eine kleine Jägerin zu fragen, was sie schreibt.*¹⁰

(6) «*Wieso machst du nichts?*» *Nicholas sah sie überfragt an. «Was meinst du damit?» «Du BIST mir aber auch einer, ich schlafwandle nicht. Ich dachte bloß, weil du ein Junge wärst, dass ...»*¹¹

(7) *Hmmm, oh. Du HAST aber kalte Hände.*¹²

В приведённых высказываниях говорящий выражает своё удивление по отношению к действиям собеседника / его состоянию. Финитная форма глагола получает максимальное ударение – только в сочетании с ней в высказывании находит проявление неожиданность ситуации для говорящего. Случаи типа (5) подробно рассматривает В. Абрахам [4], который обращает внимание на то, что не стоит приписывать возникающий митаритивный эффект отдельным компонентам как лексическим единицам¹³ – он возникает в конвенциональных импликатурах [4]. Поясним термин «конвенциональная импликатура»: согласно Г. П. Грайсу, конвенциональные импликации восходят к общему контексту, который известен говорящему и слушающему, и представляют информацию не в прямой, а в завуалированной форме [4; 22]. Анализ фактического материала показывает, что конвенциональная импликатура, *Verumfokus* и модальные частицы находятся в тесной взаимосвязи и определяют интерпретацию высказываний (5)–(7).

¹⁰ DECOW 16A.

¹¹ DECOW 16A.

¹² DECOW 16A.

¹³ В оригинале: „Trotzdem hat der Ausdruck im Sinne von Unerwartetheit bzw. Überraschungseffekt insofern linguistische Bedeutung, als das Zusammenspiel von Korrekturfokus und Modalpartikel neben außerlinguistischer konventioneller Implikatur zugrunde zu legen ist. Methodisch ist allerdings davor zu warnen, solchen einzelnen Komponenten alleine einen Mirativitätseffekt zuzuschreiben, sozusagen als lexikalischen Träger“ [4].

Аналогичную ситуацию можно проследить и в случае употребления таких показателей верификации¹⁴ как модальных слов *wirklich* и *tatsächlich* в вопросительных предложениях без вопросительного слова, например:

(8) *Willst du das WIRKLICH wissen?*¹⁵

(9) *Wem kann man trauen? Wer will wen um die Ecke bringen? Führt das Haus TATSÄCHLICH ein Eigenleben??? Die ersten Todesfälle lassen nicht lange auf sich warten ...*¹⁶

В приведённых фрагментах говорящий не желает верить происходящему, использование *wirklich* и *tatsächlich* передаёт его недоумение. Модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* позволяют выразить сомнение говорящего в том, что высказанная собеседником информация или имеющиеся догадки в (9) истинны. Как правило, они получают наибольшее ударение.

Для выражения недоумения могут быть использованы и различного типа лексические показатели, например фразеологические обороты типа *Was du nicht sagst*. Рассмотрим примеры:

(10) «*Warum bist Du gestern nicht in die Schule gekommen?*» «*Meine Grossmutter ist gestorben*», *antwortet Seppli. «Was hatte sie gehabt?» fragt der Lehrer. «Lungenentzündung». "Was Du nicht sagst, vor drei Tagen habe ich sie noch auf der Bank vor dem Haus gesehen.*¹⁷

(11) *Aquaplaning ist der Zustand, bei dem das Fahrzeug bereits schwimmt. Ach echt Thommy??? Außer Schiffen und Wasserski kenne ich kein Fortbewegungsmittel, welches da noch steuerbar wäre.*¹⁸

В приведённых высказываниях говорящий выражает своё сомнение, одновременно с этим показано, что информа-

¹⁴ Верификация – выбор из двух значений: ‘да’ и ‘нет’ или ‘истина’ и ‘ложь’ [18, с. 23].

¹⁵ DECOW 16A.

¹⁶ DECOW 16A.

¹⁷ DECOW 16A.

¹⁸ DECOW 16A.

ция является новой и неожиданной для него.

А. Айхенвальд [1, с. 463] обращает внимание на то, что временные формы могут участвовать в выражении удивления говорящего (например, в хинди или урду). Аналогичную ситуацию можно проследить и в немецком языке: так, если проанализировать следующие высказывания, содержащие перфектную форму, то мы увидим, что при определённых условиях *Perfekt* может участвовать в выражении митаривности, сравним:

(12) *BIST du aber groß geworden, Benjamin!*¹⁹

(13) *Du HAST aber geschrieben ...!!*²⁰

В приведённых примерах говорящий выражает своё удивление, связанное с изменившейся в момент говорения ситуацией. Выделенная финитная форма глагола получает при этом акцентное выделение.

Рассмотренные случаи представляют собой варианты проявления митаривных значений в диалоге. Анализ корпусных данных позволил сделать наблюдение о том, что митаривность может иметь место и в монологической речи посредством использования формы *Konjunktiv II* в придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass*. Этот вопрос получил детальное рассмотрение в одной из публикаций автора [23]. Как известно, в придаточных предложениях данного типа может быть использован как *Indikativ*, так и *Konjunktiv*. Рассмотрим предложения, содержащие форму *Indikativ*:

(14) *Meningokokken sind bei etwa zehn Prozent der Bevölkerung nachweisbar, ohne dass bei ihnen die Krankheit auftritt.*²¹

(15) *Da kommen auch stets neue Schulden hinzu, die Kreditzinsen wachsen also, anstatt dass die Last abgebaut wird.*²²

В (14) в придаточном предложении имеет место указание на действие, не наступившее в силу определённого обстоятельства. В (15) придаточное предложение содержит описание ожидаемого говорящим события, которое также не имеет места. Оба высказывания нейтральны, т. е. не содержат показателей эмотивности, а их функциональное назначение заключается в дополнительной характеристике описываемого в главном предложении события. Анализ корпусных данных показывает, что в отдельных случаях вместо формы *Indikativ* может быть использован *Konjunktiv II*. Рассмотрим в этой связи следующие высказывания:

(16) *Darüber hinaus kann die Wirksamkeit eines Medikamentes bei verschiedenen Patienten sehr unterschiedlich sein, ohne dass dies bisher im einzelnen begründbar oder vorhersagbar wäre.*²³

(17) *Doch anstatt dass sich die Lage auf dem Land entspannt hätte, verstärkten sich die Konflikte in dieser Zeit.*²⁴

(18) *Damit vergeht viel zu viel Zeit, in der sich die Schuldenspirale weiter dreht, anstatt dass den Betroffenen geholfen würde.*²⁵

Высказывания (16)–(18), содержащие *Konjunktiv II* в придаточном предложении, маркируют эмоциональную вовлечённость говорящего и его удивление: ситуация не соответствует нормам ожидания. На эту особенность обращают авторы практической грамматики, комментируя употребление претеритальных форм сослагательного наклонения в предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass* («Der *Konjunktiv II* drückt Erstaunen und Verwunderung aus») [24, S. 108-109]: высказывания типа (16)–(18) служат для выражения удивления и эмотивно окрашены. Можно заметить, что опыт исследования митаривных зна-

¹⁹ DECOW 16A.

²⁰ DECOW 16A.

²¹ Berliner Zeitung, 16.12.2005 // DWDS.

²² Berliner Zeitung, 24.07.2001 // DWDS.

²³ DECOW 16A.

²⁴ DECOW 16A.

²⁵ Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 18/68 vom 25.11.2014. S. 6459 // DWDS.

чений в нарративных текстах на примере инфинитивных оборотов с *um ... zu* уже представлен в работе Л. Еджейовского [25]: он обращает внимание на возможность выражения контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией в высказываниях типа *Tom trainiert jeden Tag, um dann doch einen Herzinfarkt zu bekommen*. Этот контраст представлен в виде миративной имплицатуры: существует как минимум одна связанная с целью альтернативная пропозиция, отличающаяся от утверждаемой пропозиции и ожидаемая ранее говорящим. Л. Еджейовски пишет в этой связи, что именно она спровоцировала трансформацию *um*: предложения с ними в данном случае служат не для выражения цели, а для передачи контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией. Благодаря контрасту возникает эффект ошеломления: на первый план выходит утверждаемая говорящим пропозиция, которую он представляет собеседнику как неожиданную [25, р. 136]. В высказываниях (16)–(18) также можно говорить о кодировании контраста: в отличие от придаточных предложений, содержащих формы индикатива и служащих для передачи дополнительной характеристики основного действия, описанного в главном предложении, в предложениях с формами конъюнктива выражено удивление/изумление говорящего, поскольку его представления о ситуации контрастируют с реальным положением дел.

Миративность может быть выражена и в случае употребления претеритальных форм сослагательного наклонения при передаче косвенной речи. Как правило, замена презентных форм сослагательного наклонения на претеритальные имеет место тогда, когда они совпадают с формами индикатива. Если же это совпадение не имеет места, то претеритальные формы позволяют передать либо сомнение говорящего, либо неожиданность ситуации для него, например:

(19) *Muss man jetzt wie die feine Gesellschaft des 19. Jahrhunderts hier reden? Und ihr sagt, er wäre nicht direkt beleidigend geworden aber manche User hätten sich davon gestört gefühlt.*²⁶

(20) *Seit kurzem überrascht der Musiker mit einem Geständnis. Der dunkelhäutige Musiker sagt, er wäre der Vater von Teenie-Popstar Justin Bieber.*²⁷

В приведённых высказываниях говорящий, используя претеритальные формы, выражает своё недоумение, которое вызывают у него слова собеседника. В определённой степени наряду с недоумением говорящего в высказывании присутствует и определённая доля сомнения. В высказываниях (19) и (20) может быть использована как форма *Konjunktiv I*, так и *Indikativ* – именно употребление форм сослагательного наклонения в этих синтаксических структурах позволяет передать миративность.

Рассмотренные примеры позволяют обратить внимание на то, что значение миративности не свойственно формам сослагательного наклонения в ином контекстуальном окружении – оно проявляется именно в синтаксических структурах данного типа. Мы исходим из того, что один и тот же грамматический показатель может выражать несколько значений. В. А. Плунгян оперирует понятиями «центральный» и «периферийный» участки в структуре значения граммы [6, с. 55]. Центральный участок – зона стабильности, периферийный – зона вариативности. При этом В. А. Плунгян отмечает, что грамма не является неким аморфным конгломератом слабо связанных друг с другом семантических элементов. Структуру значений граммы он предлагает обозначить термином «семантическая сеть». Наиболее важный фрагмент семантической сети – это её базовое значение, являющееся центральным сразу во всех отношениях, поскольку

²⁶ DECOW 16A. URL: www.webcorpora.org

²⁷ DECOW 16A. URL: www.webcorpora.org

ку не зависит от контекста и встречается чаще других значений [6, с. 55]. Миративность можно отнести к периферийным значениям формы сослагательного наклонения, она может быть передана только в определённых типах синтаксических структур. Очевидно, что миративность не следует идентифицировать только с восклицательным типом предложения, на что также обращает внимание А. Зоцка («*Zuweilen wurde die Mirativität mit dem exklamativen Satzmodus vermengt*») [14, S. 75]. В любом случае, нуждается в более детальном исследовании вопрос о других способах выражения миративных значений в нарративных текстах.

Сказанное позволяет заключить, что в немецком языке миративность находит своё выражение в системе функционирования лексических и грамматических показателей (претеритальных форм сослагательного наклонения, модальных частиц в сочетании с верификативной ремой, маркеров алетической модальности типа *wirklich* и *tatsächlich*), для которых данное значение является не основным, а периферийным, т. е. проявляется в определённых типах контекстов.

Заключение

В данной публикации миративность была представлена как семантическая категория, суть которой заключается в выражении недоумения/удивления говорящего: ситуация для говорящего неожиданна, и он не готов её воспринимать. В свою очередь, миративность коррелирует с контрастом и эмфазой: говорящий должен признать новое положение дел как соответствующее истине, а имевшиеся ранее собственные представления о нём предстают как ложные. Это создаёт неприятие говорящим новой ситуации, что, в свою очередь, контрастирует с его представлениями.

В немецком языке нет граммем, для которых значение миративности было бы центральным, или базовым. Анализ

фактического материала показал, что миративные значения находят своё проявление не только в восклицательных или вопросительных предложениях в разговорной речи. В монологической речи также присутствуют структуры, в которых может быть выражена семантика миративности. Миративная семантика как периферийное значение проявляется в определённом контекстуальном окружении у верификативных показателей (у модальных слов *wirklich* и *tatsächlich*), маркеров нефактической модальности (претеритальные формы сослагательного наклонения при передаче косвенной речи и в придаточных предложениях, вводных союзами *anstatt ... dass* и *ohne ... dass*), а также в высказываниях, содержащих модальные частицы в сочетании с верификативной ремой (*Verumfokus*) в соответствующих конвенциональных импликатурах.

Проведённое исследование позволило решить ряд теоретических и практических задач. Был определён статус данной категории в немецком языке, и рассмотрена система её выражения. На основе анализа фактического материала можно было увидеть, что в немецком языке миративность не относится к эвиденциальным значениям, а представляет собой частный случай проявления контраста и эмфазы. Наблюдения над способностью формы сослагательного наклонения (*Konjunktiv II*) передавать миративную семантику в монологической речи расширяет существующие представления о системе значений, свойственных данной форме и проявляющихся в определённых типах контекстов. Было сделано наблюдение, что в определённой степени миративность сближается с нефактичностью и эпистемичностью, т. е. с дейктическими модальными значениями, что, в свою очередь, свидетельствует о многогранности данной семантической категории. Определённую значимость имеет и описание контекстуальных условий, при которых модальные частицы и модаль-

ные слова как грамматикализованные единицы языковой системы приобретают способность передавать миративную семантику: можно было увидеть, что их значение обусловлено употреблением в определённой синтаксической форме в соответствующих типах контекстов. Данный факт подчёркивает значимость контекста в формировании грамматической семантики языковой единицы.

Изучая подробно категории подобного рода, можно глубже понять закономерности реализации определённых коммуникативных стратегий, заложенных в любой речи носителей языка. Для

лингвистов это создаёт предпосылки для более полного понимания языковых процессов и механизмов, лежащих в основе формирования грамматических значений соответствующих языковых форм. В практическом отношении полученные результаты могут быть в дальнейшем использованы на семинарских занятиях по теоретической и практической грамматике со студентами языковых факультетов вузов.

Перспективным представляется более детальное исследование вопроса о средствах выражения миративности в монологической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aikhenvald A. Y. The essence of mirativity // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. Iss. 3. P. 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017.
2. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing // *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology* / ed. W. Chafe, J. Nichols. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 261–272 (Series: *Advances in discourse processes*. Vol. 20).
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.-Вена: Языки русской культуры, 1998. 544 с.
4. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte // *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik* / Hgs. S. Tanaka, E. Leiss, W. Abraham & Y. Fujinawa. Hamburg: H. Buske, 2017. S. 75–108 (Series: *Linguistische Berichte Sonderheft*. Vol. 24).
5. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
6. Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
7. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007, С. 600–632.
8. Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // *Вопросы языкознания*. 2012. № 4. С. 39–72.
9. Скрибник Е. К., Озонова А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в алтайском языке // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007, С. 519–551.
10. Каксин А. Д. Коннотации эвиденциальности в языке памятников орхоно-енисейского письма // *Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»*, посвящённой 300-летию открытия памятников енисейской письменности и году хакасского эпоса в Республике Хакасия (Абакан, 23–25 сентября 2021 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2021. С. 141–143.
11. Даржаева Н. Б. Средства выражения значения миративности в бурятском сложном предложении // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 2. С. 210–217.

12. Каксин А. Д. О типах языков по способам выражения эвиденциальности и миративности (на материале хантыйского и хакасского языков) // *Siberica: Сибирские исследования*. Анкара: Графикер, 2024. С. 191–203.
13. Хафизова И. И., Хабибуллина Э. К. Соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности в турецком и японском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 3. С. 971–975. DOI: 10.30853/phil20220106.
14. Socka A. *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2021. 570 S. (Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60).
15. Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. Т. 21. № 4. С. 802–824. DOI: 10.21638/spbu09.2024.403.
16. Коста П., Исакова Г. Ж. Современные тенденции изучения модальности: эпистемическая модальность и эвиденциальность (New Tendencies in the Study of Modality: Epistemic Modality and Evidentiality) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2022. № 6. С. 25–40. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-25-40.
17. Янко Т. В. Просодически ориентированная модель коммуникативной структуры // *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin: Peter Lang, 2022. S. 493–503.
18. Янко Т. В. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 313 с.
19. Янко Т. Е. Прагматика и просодия: ориентация на звучащую речь как принцип лингвистической прагматики // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16. № 2. С. 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4.
20. Янко Т. В. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
21. Höhle T. N. Vorwort und Nachwort zu 'VERUM-Fokus'. [und] VERUM-Fokus // *Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 5*. Lund: Germanistisches Institut der Universität Lund, 1988. S. 1–7.
22. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. New York: Elsevier, 1975. P. 41–58.
23. Аверина А. В. Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке // *Рема. Rhema*. 2025. № 2. С. 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41.
24. Buscha A., Szita S., Raven S. *C-Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*. Leipzig: Schubert Verlag, 2013. 242 S.
25. Jędrzejowski Ł. Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen // *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln: USB Monographs, 2022. P. 134–137.

REFERENCES

1. Aikhenvald, A. Y. (2012). The essence of mirativity. In: *Linguistic Typology*, 16 (3), 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017.
2. Chafe, W. (1986). Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. In: Chafe, W. & Nichols, J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, NJ: Ablex, pp. 261–272 (Series: Advances in discourse processes. Vol. 20).
3. Melchuk, I. A. (1988). *Course in General Morphology. Vol. 2*. Moscow, Vienna: Yazyki russkoy kultury publ. (in Russ.).

4. Abraham, W. (2017). Modalpartikel und Mirativeffekte. In: Tanaka, S., Leiss, E., Abraham, W. & Fujinawa, Y. (Hgs.). *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg: H. Buske, S. 75–108 (Series: Linguistische Berichte Sonderheft. Vol. 24).
5. Kozintseva, N. A. (2007). Typology of the Category of Attestation. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 13–36 (in Russ.).
6. Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (in Russ.).
7. Khrakovsky, V. S. (2007). Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 600–632 (in Russ.).
8. Skribnik, E. K. & Seesing, O. A. (2012). Towards the description of evidentiality and mirativity in Kalmyk. In: *Topics in the Study of Language*, 4, 39–72 (in Russ.).
9. Skribnik, E. K. & Ozonova, A. (2007). Means of expressing evidentiality and mirativity in the Altai language. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka pu Darzhaeva N.B.bl., pp. 519–551 (in Russ.).
10. Kaksin, A. D. (2021). Evidential connotations in the language of monuments of the Orkhon-Yenisei writing. In: *Proceedings of the International Symposium of Khakass Epic, the 8th International Scientific Conference „Peoples and cultures of the Sayan-Altai and bordering territories“, dedicated to the 300th anniversary of the discovery of sites of the Yenisei script and to the Year of Khakass epic in the Republic of Khakassia (Abakan, September 23–25, 2021)*. Abakan: Khakassian Book Publishing House named after V. M. Torosov, pp. 141–143 (in Russ.).
11. Darzhaeva, N. B. (2014). Means of expressing mirativity in the Buryat complex sentence. In: *Siberian Journal of Philology*, 2, 210–217 (in Russ.).
12. Kaksin, A. D. (2024). About types of languages on ways of expression of an “evidence” and “admiration” (on material of the Khanty and Khakass languages). In: *Siberica: Siberian Research*. Ankara: Grafiker publ., pp. 191–203 (in Russ.).
13. Khafizova, I. I. & Khabibullina, E. K. (2022). Relation between Epistemic Modality and Evidentiality in Turkish and Japanese. In: *Philology. Theory & Practice*, 15 (3), 971–975. DOI: 10.30853/phil20220106 (in Russ.).
14. Socka, A. (2021). *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang (Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60).
15. Ivanova, S. V. & Khakimova, G. Sh. (2024). Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4), 802–824. DOI: 10.21638/spbu09.2024.403 (in Russ.).
16. Kosta, P. & Iskakova, G. Zh. (2022). New Tendencies in the Study of Modality: Epistemic Modality and Evidentiality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 25–40. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-25-40.
17. Yanko, T. E. (2022). Prosodically oriented model of communicative structure. In: *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin: Peter Lang, S. 493–503 (in Russ.).
18. Yanko, T. E. (2008). *Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
19. Yanko, T. E. (2025). Pragmatics and prosody: the analysis of oral speech as a principle of linguistic pragmatics. In: *SLOVO.RU: Baltic Accent*, 16 (2), 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4 (in Russ.).

20. Yanko, T. E. (2001). *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
21. Höhle, T. N. (1988). Vorwort und Nachwort zu 'VERUM-Fokus'. [und] VERUM-Fokus. In: *Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 5*. Lund: Germanistisches Institut der Universität Lund, S. 1–7.
22. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. New York: Elsevier, pp. 41–58.
23. Averina, A. V. (2025). Modal semantics of the subjunctive mood in German. In: *Rhema*, 2, 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41 (in Russ.).
24. Buscha, A., Szita, S. & Raven, S. (2013). *C-Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*. Leipzig: Schubert Verlag.
25. Jędrzejowski, Ł. (2022). Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen. In: *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln: USB Monographs, pp. 134–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Grammar and History, Moscow State Linguistic University, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: a.v.averina@linguanet.ru